

ВКУСИ ПЕСНЬ СВОИХ ГРЕХОВ

Алексия Орлгорд

18+

Алексия Орлгорд

Вкуси песнь своих грехов

«Автор»

2026

Орлгорд А.

Вкуси песнь своих грехов / А. Орлгорд — «Автор», 2026

Люди такие уязвимые. Люди такие ранимые. Люди такие странные. Одних волнует только их личное "Я", другие сорят своими обещаниями, третьи врут всем подряд. Когда же это всё закончится? Кто сможет это всё закончить? Кто способен искупить грехи всех? Только у четырех сестер есть ответы на все вопросы, но готово ли человечество заплатить свою цену? К счастью, у них нет выбора.

© Орлгорд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жизнь коротка, как сон.	5
Глава 2. Кто боится, тот проигрывает.	13
Глава 3. Даже самый заблудший странник когда-нибудь встанет на путь истины.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алексия Орлгорд

Вкуси песнь своих грехов

Глава 1. Жизнь коротка, как сон.

Дзынькнул дверной колокольчик, обычно оповещавший о приходе клиента, но на пороге никто не появился. Генри грозно свёл брови и поджал губы. Его бесило всё и всегда, а уж теперь, в конце бесконечного рабочего дня, любой лишний звук вызывал внутри бурю. Чтобы успокоиться, лавочник решил заняться своим любимым делом — пересчитать выручку. Чёрт возьми, как же ему нравилось ощущать холод золотых и серебряных монет, которые, казалось, целую вечность никто не держал в руках, и слушать сухой шелест расписных купюр.

Генри представлял собой самого обычного мужика среднего возраста. Одевался он паршиво, питался скудно, да и вообще на свои доходы покупал себе ровным счетом ничего. В молодости он спускал всё дочиста на глупые развлечения, а когда средства остро понадобились, карманы оказались пусты. Тот урок он усвоил намертво. Теперь Генри маниакально копил каждый заработанный грош и не ленился подбирать чужие монеты из уличной грязи. Он собирал богатство без всякой цели, не планируя тратить. Генри стал зависим от денег, как безумно влюбленный от предмета своего обожания, хотя самой природы этой любви никогда не понимал.

Колокольчик ожил снова. Дверь резко приоткрылась и со стуком захлопнулась. Ею точно кто-то играл: упрямо толкал с той стороны, а затем резко отпускал, заставляя замок глухо клацать. Но на пороге по-прежнему никого не было

— Не морочьте мне голову! Заходите уже или выметайтесь отсюда. Я не потерплю... — фразу Генри оборвал очередной стук двери, которая снова приоткрылась и захлопнулась. Тяжело дыша от злости, он поднялся и решительно зашагал к выходу. Распахнув дверь, лавочник опешил: на пороге сидела обыкновенная лохматая дворняжка. Она жалобно преданно смотрела на него, будто прося о помощи или кусочке еды.

— Пошла вон! — Генри яростно топнул и замахнулся на пса. Бедное животное отпрянуло на несколько метров и замерло, испуганно озираясь. Лавочник схватил из дорожной пыли тяжелый камень и со всей силы швырнул в собаку — булыжник свистнул в волоске от её головы. Дворняжка не стала дожидаться продолжения, жалобно заскулила и вихрем умчалась прочь.

— Иди сюда-а... Иди к нам... Ты ведь знаешь, что сам виноват... — приторно-сладкие, словно взбитые сливки, голоса зазвучали отовсюду и одновременно ниоткуда. Генри завертелся на месте, дико озираясь в поисках источника этого шёпота. Чем дольше он вслушивался, тем стремительнее сгущалась ночная тьма, а слова, сплетавшиеся в жуткую песню, всё отчетливее проникали в его помутневшее сознание.

А у Генри жена мертва,
А у Генри ребенок мертв.
Не хватило ему ума,
И теперь он на казнь идет.
Бедный Генри мог им помочь,
Но теперь он всё хочет сберечь.
Тот момент навсегда ушел прочь,
И спасет его только...СМЕРТЬ!

Взгляд Генри остекленел, перестав замечать реальность. Руки налились свинцом, сделались ватными и непослушными. Ноги сами несли его к знакомой реке, которая в ночной темноте выглядела жутко и зловеще. Затуманенный разум отчаянно цеплялся за призрачную надежду вернуть всё назад, переписать прошлое... По спине пробежал ледяной трепет, когда носок его сапога случайно столкнулся с мелким камышом со скалистого обрыва. Тот беззвучно канул в стремительные, бурлящие воды. Пришёл черёд не только для маленького камня.

Тяжёлый всплеск разорвал ночную тишину. Больше Генри не нужно копить. Не нужно работать. Не нужно даже дышать и моргать. К чему все эти земные заботы мертвецу, чья жизнь до самого края была отравлена горечью, глухой обидой на самого себя и ненавистью ко всему живому? Спустя время бездыханное тело лавочника всплыло на поверхность и безвольно понеслось по течению реки Джулис.

— Ты обещала мне больше этим не заниматься, Мия. Мы пришли сюда ради другого.

— Но теперь мы точно знаем, что он — это не она, — тихо ответила Мия.

Голубоглазая, излучающая абсолютную власть Велламо приблизилась к ней. На фоне той, кого люди трепетно звали «жестокой богиней морей», норвежка в миг растеряла весь свой запал, превращаясь из игривой тигрицы в робкую маленькую кошку.

— Хватит шутить. Ты прекрасно знаешь, что она еще не родилась. Нет никакого смысла проверять мертвых, а уж тем более этого жалкого грешника, — озорная улыбка окончательно сошла с лица непокорной Мии.

— Я вообще сомневаюсь, что Четвертая когда-либо явится в этот мир, — она с вызовом полоснула взглядом по Велламо. — Нам давно пора заняться искуплением, а мы бесцельно блуждаем по одним и тем же эстонским деревушкам. Ты ведь сама ощущаешь прилив сил после каждой кончины, так почему бы не продолжать?

— Без Мареты нам не завершить ритуал, — в разговор вмешалась Ловиза — с виду грубоватая, но твердая в каждом слове. Она кивнула на тело Генри, уносимое быстрым течением. — Он просто испустил дух, доверив его нам. Но без нее мы не сумеем переправить эту гнилую душу в Чистилище.

— Да и какая разница? — легкомысленно отозвалась Мия. — Одним ненужным человеком на земле стало меньше, а мы прибавили в силах, пусть и не смогли очистить его душу.

— Довольно пустых споров! — оборвала её Велламо, и в её голосе за рокотом волн послышалась сталь. — Мы обязаны передавать каждую забранную душу Чистилищу ради обряда искупления. Поступим иначе — и наш дар, все наши силы будут безжалостно отобраны.

— Конечно-конечно. А мы обратимся в прах дряхлых старух, который ветер развеет над холодными фьордами, уступая место новым никсам, — Мия насмешливо присела в реверансе и гордо задрала подбородок. — О великое Чистилище, спасибо, что выбрало именно нас!

Внезапно кожа всех троих окуталась изумрудным свечением. Их волосы зашевелились, плавно взмывая вверх, словно водоросли на морском дне, а тела захлестнул такой мощный прилив сил, какого прежде не ведала ни одна никса. С лица Мии в миг слетела вся былая спесь — она сделалась пугающе серьезной, а черты её лица обрели благородную, величественную красоту. Ловиза подобралась, готовая к немедленной схватке, а Велламо лишь облегченно выдохнула и впервые за долгое время позволила себе слабую улыбку.

Она родилась.

— У них были зелёные или серебристо-белые волосы, а глаза — голубые или серебряные. Вместо рыбьего хвоста — перепончатые руки и ноги. Никсы никогда не меняли облик и не селились среди мертвых. Любой человек, услышавший их пение, мгновенно терял рассудок и бросался в воду, лишая себя жизни...

Хлёсткий стук захлопывающейся книги заставил меня вздрогнуть и наконец отвернуться от окна.

Последняя пара по мифологии подошла к концу. Та половина группы, что не затыкалась битых полтора часа, лавиной хлынула вон из кабинета. Остальные лениво потягивались, сонные и блаженные от мысли о скорых летних каникулах. Смахнув тетради в сумку, я на ходу попрощалась с преподавателем и шагнула в душный коридор. Вдруг чьи-то пальцы мягко легли мне на плечо.

— Хэй, а попрощаться? Понимаю, что от этого нудного дедка, который даже на последней паре умудрился зачитать скучнейший доклад, хочется сбежать сверкая пятками. Но я-то не зануда! — шикарно одетая и, как всегда, благоухающая дорогими духами Барбара обиженно надула пухлые розовые губки.

— Да уж... Видимо, как бы громко мы ни болтали, до него всё равно не дойдёт, что его никто не слушает, — ответила я, легко подстраиваясь под тон своей единственной подруги.

— Не знаю, как ты, а я рада сегодняшнему дню больше всех на свете! Папа всё-таки согласился сначала отвезти меня в Греци — голос Барбары стал отдаляться, и я снова потеряла нить разговора, уплывая в глухие чертоги собственной души.

Сколько ещё раз мне придётся сегодня притворно улыбаться? Ведь обещала же себе завязывать с этим враньём. Чтобы хоть как-то занять руки, я принялась заплетать в косу длинные тёмные волосы. На самом деле скучным был вовсе не профессор со своей мифологией, а бесконечные рассказы Барб о подарках и курортах. Она отличная девчонка — весёлая, добрая, искренняя, но ровно до тех пор, пока не принимается хвастаться очередными побрякушками. Впрочем, кого я обманываю? Иногда мне кажется, что это обычная зависть, из-за которой мне так отчаянно хочется её заткнуть.

— Ладно, хватит моей пустой болтовни, я же знаю, что ты этого не любишь, — она мило улыбнулась, и мы крепко обнялись на прощание.

— До нового учебного года, тёмный цветочек! Мне искренне нравилось это прозвище. Сама я не находила в своих угольных волосах, глубоких глазах и бледной коже ни капли истинного очарования. Но Барбара умудрялась подбирать такие поэтичные слова, что в её глазах я и правда казалась себе особенной. Вскоре мы разошлись. Стук её дорогих каблучков ещё долго разносился эхом по коридору, пока я шла к выходу.

Не успела я шагнуть за порог университета, как в сумке запел телефон. Звонила мама. Радостным голосом она сообщила, что они с папой уже испекли мой любимый пирог, и попросила набрать её, как только автобус подъедет к станции.

Собранные чемоданы томились на съёмной квартире, а я пока стояла на остановке, зажав в руке телефон. Внутри трепетало странное, ни на что не похожее чувство — предчувствие, что грядущее лето перевернёт всю мою жизнь. Впрочем, при моей серой и предсказуемой будничности любой сдвиг привычного уклада показался бы чудом. Я отчаянно устала от вечной городской спешки. Мне не хватало звонкого рассветного пения птиц, багровых закатов над горизонтом, тёплой маминой улыбки, лукавого взгляда Оливии и даже папиных вечных нотаций. Выбранная профессия культуролога искренне меня увлекала, но сейчас требовалась передышка. Отрезав себя от шума улиц любимым плейлистом, я замерла в предвкушении чего-то грандиозного.

Легкая дорожная тряска на мелких выбоинах действовала убаюкивающе, всё глубже утягивая меня в сладкую дремоту. В полусне перед глазами вставала родная деревушка, воскрешая в памяти самые теплые, уютные моменты, связанные с родительским домом. Год назад, когда я покидала эти места ради учебы, всё здесь казалось тихой гаванью. Наверняка ничего кардинально не изменилось и теперь. Если только горы не просели под тяжестью веков, деревья не сделались еще более дряхлыми, а воздух — тяжелым и спертым.

Примерно двадцать лет назад в Эстонии развернула деятельность корпорация «ВПСГ». Они добывали драгоценные камни для тех самых вычурных аксессуаров, от которых так фана-

тела Барбара. Фирмой заправляли четыре женщины, хотя на презентации их первого колье репортеры засняли лишь троих — на редкость холодных, неприветливых дам. Позже поползли слухи, будто владелицы ведут скрытный образ жизни, а их легальное дело — лишь ширма для подпольного бизнеса. Сколько же конспирологических теорий крутилось вокруг этих четырех букв! Любимая расшифровка Барб звучала так: «Вечность перейдёт сладкие границы». Мол, изысканные побрякушки всегда будут необходимы человечеству, а значит, они бессмертны. Я к ювелирным изделиям равнодушна и считаю, что люди тратят слишком много жизни на разгадывание этих мнимых тайн. Меня смущало другое, сугубо практическое противоречие: в наших эстонских недрах полно горячего сланца, но вот благородные самоцветы отродясь не водились.

Впрочем, главное — это то, что в нынешнем году они дотянулись своими щупальцами и до нашей глуши. Мама недавно присылала фотографии: прямо на окраине деревни полным ходом шло строительство их новой фабрики. Тот кадр меня до глубины души расстроил. Городской прогресс и так утомляет до тошноты, а тут... Я наивно надеялась, что хотя бы в родных стенах смогу укрыться от вечной пыли новостроек и грохота спецтехники.

Спустя десять минут я уже волокла неподъёмный чемодан по искоженным вдоль и поперёк тропинкам. Стоило углубиться в чащу, как в глаза бросилась странная деталь: лес заметно поредел. Вековые деревья расступились, обнажая пустоши, хотя здешние пейзажи всё равно оставались захватывающими. Впрочем, не исключено, что я просто сгущала краски, подсознательно ища подтверждение маминим жалобам на вырубку из-за проклятой фабрики. Кто знает?

— Я дома-а-а! — едва успела я крикнуть с порога, как в прихожую вихрем влетела Оливия. Впрочем, примчалась она первой явно не от избытка сестринских чувств.

— Привет! Как дела? Что ты мне привезла? — выпалила мелкая, даже не думая скрывать свой корыстный интерес.

Вместо ответа я набросилась на неё с безжалостной щекоткой, хватая за бока, плечи — за всё, до чего успевали дотянуться пальцы. Оливия с писком уворачивалась, заливаясь громким смехом на весь дом.

— Я привезла тебе кое-что невероятно важное. Понимаю, должна была сделать это давным-давно, но всё никак не получалось. Ты уж прости, — я состроила виноватую морду напроказившего, но глубоко раскаявшегося щенка. — Держи. Это официальный документ о твоём выселении. С этого дня ты здесь не живёшь, бомж.

С этими словами я торжественно вручила ей помятый автобусный билет. Юмор никогда не был моей сильной стороной, но меня это совершенно не заботило, так что я сама же и расхохоталась на весь дом.

— Ладно, держи и топай делать свой этот... распаковка-чек, или как вы там его зовёте, — я протянула мелкой нарядно упакованную коробку, подарки в которую бережно собирала всю последнюю неделю.

Оливия мгновенно переменилась в лице. Она на ходу бросила короткое «спасибо» и, уже абсолютно меня не замечая, ураганом умчалась в свою комнату, захлопнув дверь.

— Ты почему не набрала, когда автобус приехал? Неужели сама волокла этот здоровенный чемодан?! — это было первое, чем встретила меня мама вместо приветствия. Вместо оправданий я крепко обняла её и чмокнула в тёплую, родную щёку. Мама всё ещё пыталась хмуриться для виду, но её напускная строгость быстро таяла — если вообще можно искренне злиться на долгожданную дочь.

— И я тоже очень рада тебя видеть, — с улыбкой ответила я, вкладывая в эти слова всю свою любовь.

— О, доча! А я-то надеялся, что успею смолотить весь пирог до твоего приезда. Вот облом! — Папа картинно вздохнул. Внушительный ломоть маминого пирога с ревенем в одной

его руке ничуть не помешал ему сгрести меня в охапку другой, оторвать от пола и сделать пару лихих оборотов под мой счастливый смех. После этой мини-карусели он аккуратно вернул меня на землю и, наклонившись, заговорщически зашептал на ухо: — На самом деле я припрятал самый лакомый кусок подальше от этих прожорливых девчонок. Сберег специально для тебя! Так что дуй мыть руки и марш на кухню, пока моя совесть окончательно не уснула.

За последний год мы с папой сблизились как никогда, и эти тёплые отношения стали ещё одним поводом, тянувшим меня домой из душного мегаполиса. Плотно пообедав, я едва дотащила себя до родной детской и пластом рухнула на любимую мягкую кровать. Вокруг всё оставалось прежним, за исключением опустевшего подоконника — с него исчезли горшки с цветами. Впрочем, туда им и дорога: садовод из меня всегда был паршивый. И чем заняться дальше? Не круглыми же сутками объедаться и давить диван. Преодолевая вселенскую лень, я заставила себя подняться и поплелась к Лив. Сестрёнка как раз была в процессе записи очередного шедевра для своей «многомиллионной» аудитории.

— Да ладно тебе. Неужели ты всё лето собираешься просидеть в телефоне и соцсетях?

— К твоему сведению, вовсе нет. Мы с тобой прямо сейчас идём на речку открывать купальный сезон, — Оливия лукаво прищурилась, вскочила с кровати и принялась перерывать шкаф в поисках вещей. — Традиции нарушать нельзя. К тому же мои подписчики заждались эстетичных кадров, за которые, между прочим, отвечаешь ты.

— Неплохо ты устроилась, — хмыкнула я. — Я, конечно, подумывала о подработке фотографом или контентмейкером, но рассчитывала как минимум на гонорар! Я подошла со спины и шутиливо затрясла мелкую за плечи, изображая реаниматолога: — Эй, очнись! Приди в себя, жертва соцсетей! Возвращайся в реальный мир, Оливия!

— Да всё, здесь я. Только есть одно крошечное «но» Мы идём вместе с моими друзьями.

Сдавшись, я рухнула на её кровать и накрыла лицо подушкой, мысленно проклиная этот день. Оливия устроилась рядом и потерела меня за локоть:

— Ус-по-кой-ся. Тебе давно пора завести хоть какого-нибудь знакомого мужского или женского пола, кроме своей учёбы.

— Мне одной Барбары выше крыши! — глухо буркнула я из-под подушки и легонько пихнула сестру в бок. — И она, между прочим, с первого раза понимает, когда я не хочу никого видеть.

— Ты знаешь меня целых семнадцать лет и могла бы догадаться, что я это так не оставлю. Всё, топай собираться и настраивайся вылавливать мне лучшие ракурсы. За ребят не переживай, они классные. И помни: если станет совсем невмоготу, можешь просто развернуться и уйти. Никто и слова не скажет. Договорились?

Я нехотя кивнула и, напустив на себя максимально унылый вид, поплелась в свою комнату искать купальник.

Спустя час мы наконец добрались до места встречи. Вечер выдался идеальным для прогулок: солнце медленно близилось к своему концу, жара уже спала, но до прохлады было ещё далеко. Впереди показались силуэты — друзья Оливии. Ребята так стремительно вовлекли сестру в бурное обсуждение своих новостей, что она мгновенно позабыла о моём существовании. И хотя перед этим мелкая успела меня всем представить, я всё равно предпочла плестись на пару шагов позади. Всего нас собралось шестеро: я, Оливия, её лучшая подруга Анника и троица совершенно незнакомых, хотя и довольно симпатичных парней. Их имена я даже не потрудилась запомнить. Для себя я твёрдо решила, что это первый и последний раз, когда я ведусь на сестринские сказки о «классных тусовках». Я чувствовала себя не просто чужой — я чувствовала себя лишней. Но внезапно один из незнакомцев отделился от весёлой гурьбы и замедлил шаг, поравнявшись со мной.

— Мартин! — парень дружелюбно протянул мне татуированную руку. От неожиданности я мгновенно залилась краской, но честно попыталась задвинуть свою природную стеснительность куда подальше.

— Да, я помню, — выдавила я, стараясь звучать уверенно. — Оливия ведь только что всех представила.

— Мне показалось, ты в этот момент мысленно была где-то на другой планете, вот я и решил подстраховаться, — он тепло улыбнулся.

Его прямота окончательно разрушила мою глухую оборону. Нелепость всей этой прогулки, дурацкое знакомство и этот парень, так легко раскусивший моё состояние, не оставили мне выбора. Я рассмеялась. Нервный смех вообще был моей стандартной защитной реакцией на любой дискомфорт, но в этот раз я хохотнула так громко и заливисто, что вся компания разом обернулась. На меня уставились пять пар недоумевающих глаз, безрезультатно ища причину такого веселья. Впрочем, тушить свои эмоции я умела столь же стремительно, как и раздувать: смех тут же оборвался, оставив лишь смущённую улыбку.

— На самом деле так и есть, — призналась я, стирая с лица остатки смущения. — Так что спасибо за подстраховку.

— Да брось, расслабься, мы не кусаемся, — Мартин мягко улыбнулся. — Твоя сестра вряд ли планирует самолично скормить тебя акулам.

— С этим не поспоришь. Каким бы эгоцентричным подростком она иногда ни была, я до глубины души благодарна родителям, всем богам, богиням, стихиям этого мира за то, что она у меня есть.

— Слушай, если тебя хоть немного успокаивает музыка, предлагаю побыть сегодня диджеем. Выбери трек на свой вкус.

С этими словами Мартин достал из кармана кейс и протянул мне один наушник. Я приняла его, быстро синхронизировалась с его плейлистом через телефон и включила свои любимые треки. Парень удивлённо и как-то зачарованно хмыкнул. Судя по выражению его лица, он морально готовился к оглушительному хард-року, а вместо этого из динамика полилась мягкая, убаюкивающая мелодия.

Музыка действительно помогла отпустить напряжение. Но стоило мне немного успокоиться, как сквозь пелену мыслей проступили странные, пугающие перемены, которые я обаяна была заметить ещё у автобуса. Лес вокруг безжалостно вырубил, а те деревья, что уцелели, стояли иссохшими и мёртвыми, словно из них заживо выкачали все соки. Птичий хор звучал приглушённо, без былого задора. За всё время пути я так и не услышала бормотушку, хотя прежде её звонкие, похожие на залиvistый смех переливы доносились из каждой чащи. Из-за этой мёртвой тишины даже далёкие холмы казались грозными стражами. И лишь одно место манило к себе с прежней, неодолимой силой — Джулис. Погружение в её ледяные, тёмные глубины всегда было для меня высшим блаженством. Река звала меня.

— Плавать-то хоть умеешь? — Мартин лукаво прищурился, глядя на меня.

Его вопрос меня не просто удивил — задел за живое. Внутри вспыхнуло такое неистовое желание немедленно оказаться в воде, что я, позабыв о всяком смущении, одним движением сбросила шорты и футболку на расстеленное Оливией покрывало.

— Давай, не отставай! — крикнула я на бегу.

Несколько стремительных шагов по прохладному песку — и я с головой ласточкой ушла под воду. Джулис приняла меня в свои тёмные объятия. Вслед за мной с громкими всплесками в реку попрыгала и вся остальная компания.

Время словно остановилось. Весь внешний мир вмиг сделался далёким и незначительным. Последние лучи заходящего солнца пронзали толщу воды, проходя будто сквозь моё собственное тело и подсвечивая его изнутри. В ушах зазвучала восхитительная, ни на что не похожая мелодия — древний зов реки, убаюкивающий, точно мать младенца. Серебристые

пузырьки воздуха стремительно уносились вверх, будто отчаянно опасаясь пропустить свой звёздный час. Пройдёт секунда, и там, на поверхности, они сплетутся в единый, живой организм.

Внезапно чьи-то пальцы мёртвой хваткой вцепились в мою лодыжку и утанули глубже. На долю секунды сердце ушло в пятки, но, разглядев сквозь толщу воды ухмыляющееся лицо Мартина, я с готовностью приняла вызов. Ответный удар не заставил себя ждать: теперь уже его нога оказалась в моих неожиданно цепких, словно потяжелевших лапах, которые с лёгкостью увлекли парня на самое дно. Насладившись его секундным замешательством, я выпустила добычу и стрелой взмыла к поверхности.

— Ха-ха-ха! И кто тут, говоришь, не умеет плавать? — едва вынырнув, шутливо прокричала Мартину. Он принялся азартно брызгаться, заставляя меня зажмуриться от летящих капель. Не сговариваясь, мы рванули к противоположному берегу, устроив негласную гонку наперегонки. На мгновение я перевернулась на спину, позволяя течению утягивать меня за собой. Мартин подмигнул мне, резко ушёл на глубину и начал стремительно набирать скорость. Я изо всех сил старалась держаться вровень, хотя мышцы уже наливались свинцом, а в голове мелькала странная, дурманящая мысль — бросить всё и камнем пойти на дно. Но восторг победы перевесил: пальцы ног наконец коснулись твёрдой земли. Тяжело дыша, мы выбрались из реки и устало опустились на тёплый прибрежный песок.

Капли воды медленно скользили по рельефным плечам и крепким рукам парня, намертво приковывая мой взгляд. Я засмотрелась, напрочь позабыв о приличиях.

— Ты плаванием, что ли, серьёзно занималась? — Мартин перевёл дыхание и восхищённо посмотрел на меня. — В воде держишься невероятно. Словно ты в родной стихии. Самая настоящая русалка!

От его слов по телу разлилось приятное, обжигающее тепло. Этот комплимент попал в самое сердце.

Пришёл час заката. Небосвод внезапно налился густой, тяжёлой кровью, словно над нашими головами разыгралась жестокая битва, окрасившая зеркальную синеву выси.

— Давно не видела ничего подобного, — тихо произнесла я, заворожённо глядя вверх. — В этой красоте есть что-то пугающе невинное.

— Здешние закаты вообще самые эпичные, — согласился Мартин, легко подхватив разговор о моей главной страсти в фотографии.

— Инг...рид! — донёсся до меня отчаянный, захлёбывающийся крик сестры.

Я резко вскочила, и ужас сковал моё тело. Оливия барахталась посередине реки, а с противоположного берега к воде уже бежали ребята. Не раздумывая ни секунды, я ринулась в реку и погребла к тонущей. Мартин тяжело поплыл следом. Пока я приближалась, у сестрёнки оставалось всё меньше сил бороться с могучим течением.

Когда я доплыла до места, Оливии уже не было видно на поверхности. Она перестала двигаться и безвольным камнем уходила ко дну. Остальные парни были ещё далеко, а Анника в панике металась по берегу, кому-то тревожно звоня.

Я ушла под воду с головой. Вокруг не было ни души — только глухая тьма и ледяная пустота. Я отчаянно гребла всё глубже. Липкая паника парализовала разум: на долю секунды мне показалось, что я потеряла сестру навек. Но вдруг в чернильной глубине мелькнул знакомый силуэт — Оливия стремительно уходила на самое дно. Из последних сил я рванулась вперёд, мёртвой хваткой вцепилась в её запястье и рванула вверх. Из-за чужого веса толща воды казалась бетонной стеной. Когда лёгкие уже горели от нехватки кислорода, а перед глазами поплыли тёмные пятна, рядом вырос Мартин. Он перехватил Оливию, и вместе мы наконец пробили зеркало воды, жадно глотая воздух. Парни помогли нам выволочь её на прохладный песок.

После нескольких отчаянных попыток реанимации Оливия наконец содрогнулась, судорожно откашляла воду и хрипло задышала. Жива!

Я прижала её к себе изо всех сил, отчаянно пытаюсь будто вжать, растворить сестрёнку в собственном сердце, чтобы больше никогда и никуда не отпускать. Слезы градом хлынули из глаз — плотину сдержанного ужаса наконец прорвало от переизбытка эмоций.

Спустя пару минут на берегу показалась вызванная Анникой скорая. Врачи тут же окружили Оливию. Едва сестрёнка оказалась в надежных руках, силы окончательно оставили меня: ноги подогнулись, и я беспомощно опустилась прямо на песок. Осознание того, какой страшной трагедии нам чудом удалось избежать, ледяной волной затопило сознание.

Мартин молча опустился рядом и крепко прижал меня к себе за плечи, делясь своим теплом.

Я пробежалась глазами по этому месту, которое еще недавно казалось таким безмятежным. Как же быстро одно несчастье может стереть всё счастье из памяти? Как же быстро можно потерять любимого человека, которого вовремя не смог сберечь?

Глава 2. Кто боится, тот проигрывает.

1350 год. Суоми.

Я давно привыкла к звериному холоду, бесконечным зимним ночам, голоду и вечной работе. Но в эту ночь всё ощущалось иначе: внутри разрасталась ледяная пустота, которую ничем невозможно было заполнить.

— Грета, дочка кхе-кхе пить.

Мама позвала с хрипом, выплёвывая кровь в единственный грязный платок. Я взяла стоявшую у кровати ржавую чашу и вышла на улицу. Метель с размаху ударила в лицо. Мысли крутились вокруг одного: Чёрная смерть. Полгода ей хватило, чтобы уничтожить мою семью. Первыми ушли младшие братья. Отец так долго ждал сыновей, они были для него всем Месяц назад он просто оставил нас и наложил на себя руки. Теперь настал черёд мамы. Могу ли я в свои семнадцать рассчитывать на спасение? Скоро придёт и моя очередь.

Набрав колодезной воды, я укуталась в изорванную шаль и вернулась в избу. Вода больше не требовалась. Бездыханное тело матери, когда-то сильной и красивой, застыло камнем. Смахнув слёзы, я завернула её в дерюгу и выволокла со двора. Туда, где уже чернели три креста и зияла яма. Мама попросила выкопать её заранее, зная, что зимнюю промёрзшую землю сейчас не пробить. Мои движения казались механическими, будто я занималась этим всю жизнь. Впрочем, так оно и было: чума косила всех вокруг, и мне то и дело приходилось помогать соседям с похоронами.

Опустив тело в неглубокую могилу, я с полчаса простояла у семейного кладбища и лишь затем ушла в дом, уже не чувствуя от мороза ни рук, ни ног. Заперев дверь, я задула огарок свечи, рухнула на опустевшую постель матери и наконец разрыдалась.

В какой-то миг плач оборвался, хотя душа всё ещё исходила слезами. Незнакомый, чужой голос звал меня к Итямери. И я всем существом отозвалась на этот призыв. Забыв об одежде, страданиях, лютom холоде и недавней смерти матери, я побрела напрямик к морю. Зов ни на секунду не утихал в голове, убаюкивая страхи. Впереди показались скованные льдом берега. Я шла непоколебимо. Ноги не дрогнули, даже когда я ступила на хрустальную гладь и двинулась дальше, прочь от берега.

Лёд с треском разошёлся. Меня поглотила тёмная бездна. Что-то невидимое утягивало на глубину, пока из лёгких стремительно уходил последний воздух. Но я не чувствовала ни холода, ни ужаса. Всё шло именно так, как должно. Итямери заполнила меня всю: хлынула в нос, обожгла глотку и ворвалась в грудь. Я задохнулась.

Я не видела своего преображения и наполнения силой. В этой глубинной темноте моя кожа теперь отливала изумрудным светом, волосы побелели, как первый снег, а пальцы и запястья покрылись тонкой чешуёй. Переступив черту смерти, я заново открыла бледно-голубые глаза. Я знала: никакой Греты больше нет. Смертная девушка погибла лишь для того, чтобы явилась я — Велламо. И теперь я знала, что должна делать.

Ливень сделал этот и без того мрачный вечер невыносимым. Случившееся не выходило из головы. Вдруг щелкнул замок входной двери. Я замерла в ожидании вердикта. Родители вошли, стряхивая капли дождя. Заметив мою панику, мама шагнула вперед и крепко прижала меня к себе, словно пытаясь защитить от всего мира.

— Ничего серьёзного, — тихо произнесла она. — Ты успела вовремя.

Я мысленно выдохнула, но тревога не отпускала. Атмосфера в комнате давила, словно нас накрыло штормовой волной. Чтобы разбить это тяжелое молчание, папа позвал всех пить кофе. Я не любила этот напиток, но горячая чашка в руках помогла согреться и отвлечься. Оставшуюся часть вечера отец всюду пытался нас рассмешить — и у него отлично получилось.

Родители уже засыпали, когда я тихо скользнула в комнату младшей сестры. Днем в суматохе я и не заметила, как здесь всё изменилось — аккуратно, продуманно, со вкусом. Полностью розовая когда-то кровать теперь отливала белизной с изящным узором, похожим на тонкую паутину. Место диснеевских принцесс на столе заняли стикеры с иконами кино и рок-музыки. Разглядев среди них пару знакомых лиц, я улыбнулась. Напольное зеркало оплетали нити искусственных цветов, приковывая к себе внимание, а полки, подоконник и стеллажи утопали в живой зелени. Комната буквально расцвела.

Я включила ночник в виде короны — забавное напоминание о «королевской эре» сестры — и подошла к окну. Сквозь монотонный стук капель по отливу я не сразу разобрала другой, более резкий звук. Кто-то бросал в стекло мелкую гальку. Вглядевшись в темноту, я разыскала глазами купол зонта, из-под которого махал Мартин. Сердце подпрыгнуло. Я бесшумно выскользнула во двор, и Мартин тут же шагнул навстречу, пряча нас обоих от ливня.

— Увидел свет в окне Оливии и подумал, что тебе сейчас лучше не оставаться одной, — тихо сказал он.

Отвыкшая от чужого внимания, я на мгновение растерялась. Кроме родителей, обо мне мало кто искренне заботился, и от этого внезапного тепла внутри всё сжалось.

— Спасибо, но всё в порядке, — нагло соврала я, как делала почти всегда.

Мартин понимающе улыбнулся, сделав вид, будто поверил, и предложил прогуляться. Пока мы шли под одним зонтом, он забрасывал меня вопросами, а потом увлечённо рассказывал о себе. Оказалось, он приехал в наши края недавно и ненадолго, но местная красота и радушие людей заставили его передумать. Месяц назад он случайно пересёкся с компанией моей сестры — те приняли его как родного. И всё же, несмотря на свою общительность, поначалу он чувствовал себя чужаком.

Слушая его, я поражалась тому, насколько мы разные. Я-то всегда мечтала о тихой, степенной жизни в лесной глуши, подальше от людей. Напоследок он раскрыл секрет татуировки на руке.

- Для моря, океана нет преград. Их волны всегда захватывают, покоряют то, что они хотят. Пусть даже спустя годы, но никакие преграды им не страшны.

Между нами повисла многозначительная пауза.

— Я стараюсь быть похожим на них, — продолжил Мартин. — И никогда не отступать от своих целей.

Он замолчал и окинул меня беглым взглядом, словно оценивал моё состояние и пытался понять: стану ли я его следующей непокорной целью? В ответ я лишь с восхищением смотрела на этого вчерашнего незнакомца, который одним своим присутствием дарил мне силу и уверенность.

Ночь в его компании пролетела так быстро, что я не заметила рассвета. Тьма неохотно отступала, отдавая права законному дню. Мы разошлись, пожелав друг другу доброго утра. Моя голова была абсолютно пуста, когда я наконец забралась под тёплое одеяло.

Проснувшись ближе к вечеру от того, что меня трясут за плечо, я резко вскочила. Из-за недавних событий мне снились кошмары, и я была счастлива, что кто-то выдернул меня из этого липкого бреда. И вдвойне счастлива, увидев перед собой Оливию.

— Спасибо тебе, моя спасительница! — Лив звонко поцеловала меня в щёку и крепко обняла.

— Я просто сделала то, что должна была. Ты как? Тебя так быстро выписали? Что вообще произошло в реке? Ты же отлично плаваешь, как тебя утянуло?.. — от нахлынувшего облегчения я начала взволнованно тараторить.

— Дыши. Со мной всё в порядке, иначе меня не отпустили бы из больницы, — Оливия мягко улыбнулась, но тут же посерьёзнела. — А вот то, что случилось на реке Я не знаю, как объяснить. Ты не поверишь. Я и сама себе до сих пор не верю.

Она хмыкнула и уставилась в стену невидящим, словно заворожённым взглядом.

— Всё шло как обычно. Мы веселились, пока вы с Мартином уплыли вперёд. И вдруг вода вокруг меня словно взбесилась. Течение начало сжиматься, волны неестественно закружились, загоняя меня в плотное кольцо. А потом зазвучали голоса. Десятки переплетающихся, непонятных голосов прямо в голове. Я попыталась вырваться, и в тот же миг река утянула меня на дно. Дальше — темнота, и очнулась я уже в палате.

Я задумчиво уставилась на её блестящие золотые волосы. Сестра ещё не до конца оправилась, и я слишком сильно переживала за неё, чтобы как обычно спорить или подтрунивать.

— Всё позади, это главное, — тихо произнесла я, закрывая тему.

Я прижала Оливию к себе ещё крепче, словно пытаюсь защитить от всего мира.

Мы решили спуститься перекусить. В больнице Оливию почти не кормили, да и у меня в её отсутствие кусок в горло не лез. Но на кухне меня ждал сюрприз. Мартин преспокойно стоял у плиты и помогал маме разливать кофе.

— Доброе утро, соня, — усмехнулся Мартин. — Какая-то ты бледная. Всю ночь, небось, не спала?

Он посмотрел на меня с многозначительным намёком, и я невольно рассмеялась, подыгрывая ему. Оказалось, он вызвался помочь моим родителям и вместе с ними забрал Лив из больницы. Главной же причиной его визита было приглашение: у Мартина сегодня день рождения. Сестра из-за слабости вежливо отказалась, а вот мне пришлось согласиться — хотя в глубине души я и сама была совсем не против.

После обеда я быстро собралась и уже через час помогала Мартину украшать его съёмный домик. Жильё было скромным: просторный зал, милая кухонька и спальня, которая поразила меня больше всего. Она разительно отличалась от остальных комнат. Казалось, туда Мартин вложил душу, тогда как в доме всё оставалось нетронутым, от прежних хозяев. Первым делом в глаза бросалось лазурное постельное бельё с рисунком бьющихся волн. Над кроватью темнела огромная картина Айвазовского — «Корабль "Мария" во время шторма». На полках вместо книг теснились корабли в бутылках, а рабочий стол вместо скатерти украшала рыбацкая сеть, поверх которой лежал настоящий деревянный штурвал.

— Не укачало ещё? — со смешком спросил Мартин, заметив, как внимательно я всё изучаю.

— Не думала, что ты настолько сильно помешан на море.

Гости должны были вот-вот прийти. В оставшиеся минуты мы на скорую руку накрыли стол «подростковым ужином» — как назвал бы это мой папа. Всё потому, что меню состояло исключительно из пиццы, попкорна, чипсов и газировки. Один из парней, с которым мы накануне ходили купаться, пришёл первым. Он принёс алкоголь и тепло позддравил именинника. Веселье началось.

Звонкая и сильная пощёчина сбила Мию с ног.

— С каких пор ты сама решаешь, в кого направлять силу Четвёртой? Ты знаешь правила! Должна была дожидаться нас, а не полагаться на свою интуицию. И она ошиблась!

Следующим движением Ловиза замахнулась для удара сверху, но рука Мии намертво перехватила кулак нападающей в нескольких сантиметрах от своего лица.

Велламо появилась словно из ниоткуда. Воздух в комнате мгновенно похолодел. Мия тут же осеклась, а Ловиза поспешно отступила от провинившейся, склонив голову.

— Вас не было в этой забытой богом деревушке! — огрызнулась Мия. — Надо было действовать быстро, как только заклинание в реке сработало. Это же великая новость: Четвёртая где-то здесь, наши поиски окончены!

— Ты поступила опрометчиво, чуть не убив невинную, — ледяным тоном произнесла Велламо, глядя сверху вниз на распростёртую у её ног Мию. — Твоя глупость отпугнула от

реки всех, кто был там в тот вечер. Нам подвластна лишь одна стихия — вода. Только в ней мы способны активировать заклинание-маяк. Конечно, можно было бы использовать наш зов и завлечь Четвёртую, но ловить её на суше, не зная даже имени — безумие. К счастью, Ловиза успела отследить двух девушек, так что теперь наш круг сужен.

— Но моя кандидатка подходила идеально! — выкрикнула Мия. — Светлые волосы, голубые глаза, влечение к воде и ...

— И ты ошиблась, — отрезала Велламо. — Избранная не стала бы сопротивляться дарованной ей силе.

Этот спор окончательно закрепил иерархию в их мрачном союзе. Велламо протянула руку поверженной девушке.

- Вставай и иди в комнату для наказаний. Чистилище позаботится о тебе. И Мия.. перестань выдумывать оправдания своему детскому характеру. Ты прекрасно знаешь заклинание для нашего мгновенного призыва и конца пребывания здесь.

На удивление, весь вечер я искренне наслаждалась компанией. Особенно Мартина — он то и дело искал повод заговорить, принести мне коктейль или затащить в общую игру. Закралось подозрение, что он вовсю проявляет ко мне знаки внимания. И я охотно на них отвечала.

Ближе к полуночи гости разошлись. Мы остались вдвоём: весёлые, хмельные, посреди лёгкого праздничного беспорядка.

— Ай, к чёрту это всё! Завтра уберусь. Пойдём, — Мартин протянул мне тёплую ладонь и заглянул прямо в глаза.

Отказаться было выше моих сил. Мы вышли на свежий воздух. Ночная прохлада немного отрезвила голову, но укрепила в мысли: вовсе не алкоголь заставлял моё сердце биться чаще рядом с ним. Я понимала, что почти ничего о нём не знаю, кроме той поверхностной информации, которую он выдавал всем при знакомстве. И всё же впервые в жизни я ощущала такую лёгкость и невесомость. В мыслях я уже строила планы на общее будущее, и всё вокруг казалось удивительно простым.

— Я даже не знаю, с чего начать и чем закончить, — прервал молчание Мартин, сильнее сжимая мою ладонь. — Но я так не хочу отпускать тебя домой. Или вообще куда-либо.

Он остановился и заглянул мне в лицо.

— Понимаю, что, может, говорю глупости и сильно рискую, но я никогда ничего подобного раньше не испытывал.

— Да, я понимаю. И что же нам теперь делать? — с трепетом, но и с лёгким сарказмом спросила я.

В эту секунду я чувствовала себя беззащитной, будто стою обнажённой под прицелом сотен камер. Мартин улыбнулся. Его глаза блестели ярче звёзд. Свободной рукой он нежно провёл по моему подбородку, от уха к губам, и внутри меня расцвело нечто прекрасное и пугающе непонятное. Едва я успела прикрыть глаза, как он поцеловал меня — жадно, с наслаждением, словно потерявшийся в пустыне путник, который наконец нашёл родник. Мартин отпустил мою ладонь, чтобы крепче прижать меня к себе за талию, а вторую руку переместил на шею, ласково поглаживая большим пальцем щеку. Я выдохнула и запустила пальцы в его волосы.

Вдруг Мартин подхватил меня на руки и понёс обратно к дому — туда, где ещё недавно шумела толпа, а теперь остались только мы двоим. Мои губы всё ещё упивались его поцелуями. В теле бушевал настоящий апокалипсис: проливной дождь вперемешку с палящим солнцем, ураган бабочек, ледяная метель, жар и цветение одновременно. Он бережно опустил меня на постель и на секунду отстранился. Я с недоумением взглянула на него

— Хочу запомнить тебя такой именно сейчас, — тихо прошептал он, вглядываясь в мои глаза.

Я молчала, но в эту секунду была согласна на всё.

Мартин аккуратно снял с меня кроссовки и бережно провёл кончиками пальцев по ступне, прежде чем ласково сжать её и устроиться рядом. Он принялся покрывать поцелуями мои лодыжки, голени, колени, то и дело переключаясь с одной ноги на другую. Я томно прикрыла глаза, глубоко и часто дыша, едва ли не задыхаясь от нахлынувших чувств. Пройдя поцелуями бёдра и живот, он вернулся к шее и ключицам, слегка запрокинув мою голову назад.

Мои ладони скользнули по его спине, увлекая за собой футболку, и в следующую секунду она полетела на пол. В ответ я избавилась от собственной одежды. Когда мы остались обнажёнными, между нами на миг повис немой вопрос. Ответ был очевиден — он без слов читался в наших глазах и бешеном стуке сердец.

Всё началось очень мягко. Тело чутко отзывалось на каждое его движение. Иногда я успевала покрывать поцелуями его плечи и грудь, желая ещё большей близости, но блаженство от его ласк раз за разом накатывало волнами от пят до самой головы. Мы буквально горели в объятиях друг друга, пока наши души сливались в единое целое. На пике наслаждения Мартин закрепил этот момент нежным, долгим поцелуем. Опустошённая и счастливая, я опустила голову ему на грудь, а его руки тепло сомкнулись вокруг меня.

Почему в такие минуты все тревоги бесследно исчезают? Почему счастье затапливает душу от одного лишь тихого дыхания под ухом? И почему становится так безразлично то злое будущее, что уже вовсю наступает на пятки?

Глава 3. Даже самый заблудший странник когда-нибудь встанет на путь истины.

Я так и не смог уснуть после нашего слияния душ. Ловил каждый звук: слушал, как она нежно сопела у меня на груди, иногда забавно шмыгая носиком и утыкаясь им ещё глубже, словно прячась от всего мира. Её волосы рассыпались по моей левой руке — я замер и старался вообще не дышать, как бы сильно затёкшие мышцы ни умоляли о движении. Свободной правой ладонью, едва касаясь, я аккуратно гладил Ингрид по плечу, боясь разрушить это хрупкое счастье.

Ингрид... Я ещё раз сладко повторил про себя её имя. Как только я увидел эту нежную бабочку при первой встрече, сразу понял: мы — родственные души. Эта связь возникла не на физическом уровне и не из-за длительного знакомства. Нас будто с самого рождения соединяла незримая нить, созданная для того, чтобы мы встретились именно в эту секунду. Я буквально физически осязал наше притяжение друг к другу и не мог ему сопротивляться.

Никогда и ни с кем я не ощущал такой гармонии, покоя и понимания, хотя едва ли меня можно было назвать монахом, избегающим женщин. На моём пути встречались и ошеломительные красотки, которых желали все вокруг, и тихие, скромные девушки. Но Ингрид не подходила ни под одно описание. В ней всё находилось в той идеальной пропорции, которую я так долго искал. Нас словно создали друг для друга — как два потерянных кусочка пазла от одной прекрасной картины.

— Ты уже встаёшь, русалка? — я нежно провёл ладонью по её спине.

Под пальцами разлился неестественный, пугающий холод, от которого по моим собственным плечам пробежали мурашки. Ингрид не шевельнулась. Она поднялась с постели и, не говоря ни слова, направилась к выходу.

— Эй, ты куда? Ингрид!..

Она даже не обернулась. Я вскочил и судорожно натянул штаны, испуганно глядя вслед её хрупкому обнажённому телу, скрывшемуся в дверном проёме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.